

НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ XVII—XVIII ВВ. ОБ ИСЛАМЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья написана в рамках выполнения проекта № 07-06-0762 РФФИ

 Каждый регион мира уникален. И это своеобразие сложилось под влиянием многих факторов, а чтобы понять причинно-следственную связь, необходимо пройти путь от сбора (или даже систематизации) эмпирического материала до анализа социокультурной ориентации человека (групп людей) в мире. Историография как наука, изучающая историю накопления знаний об объекте исторического процесса — человеке и социальных группах, объединенных различными социальными связями (в нашем случае религиозными), предполагает определенный уровень объективизации знаний. В вопросе об изучении истории аккумуляции знаний об исламе он, конечно, зависим от отношения индивида, социума, государств к этой религии, как и к ее вероучительным основам и региональным особенностям, состоянию и направленностью в развитии коллективной памяти.

На рубеже XVII—XVIII вв. благодаря активному включению европейцев (и европейского типа мышления) в процесс познания края, происходили качественные изменения, в т. ч. связанные с возможностью в печатной форме на разных языках донести знания до читателя. К тому времени Западная Европа, пройдя период Возрождения, уже вступила в эпоху Просвещения, изменив и логико-теоретические принципы мышления ее жителей. Но при этом, как справедливо заметил А. Каппелер, идеология Просвещения позволяла признать равным европейцам только оседлых мусульман, а остальных еще нужно цивилизовать [1]. Естественно, что кочевники (казахи и барабинские татары), или исторически недавно ставшие оседлыми другие группы сибирских татар европейцами ставились на низкую ступень цивилизационного развития.

Но в условиях Западной Сибири западноевропейское мышление могло измениться, если видело в рядом живущем человеке равного себе. Людьми Нового времени в Западной Сибири, кардинально отличавшимися от «человека Средневековья» представлениями о мире и причинно-следственных связях, были немногочисленные европейцы, оказавшиеся здесь: служащие, путешественники, ссыльные. Их статус мог существенно меняться под влиянием обстоятельств и местных потребностей. Например, еще с XVII в. к Тобольскому и Тюменскому гарнизонам «причисляли и пленных немцев, сосланных в Сибирь и поверстанных там на службу» [2]. Парадокс состоял в том, что к немцам русское традиционное мышление относилось тогда почти всех европейцев, а «путешественником поневоле» оказался и сосланный в Тобольск как иноземец-католик хорват Ю. Крижанич. Но, и до Крижанича, и при нем, в Сибири жило немало иностранцев, судя по их статусу — образованных дворян и буржуа (крестьяне, как в Европе, так и в России оставались в массе безграмотными), не чуждавшиеся на чужбине и «писательства». Точно известно, что в 1666 г., когда Крижанич жил в Тобольске, в крае уже служило 46 иностранных офицеров, посланных для организации сибирских полков, но не все ограничивались исполнением прямых обязанностей. Воспитанные в Западной Европе и вне устоявшейся среди русских сибиряков «конфигурации коллективного опыта» — при анализе прошлого Сибири, они смогли непредвзято посмотреть на жизнь местных мусульман, а по возвращении на родину, не боясь наказания, обнародовать впечатления. Например, один из офицеров в том же (1666) году составил подробные этнографические наблюдения о сибирских татарах и бухарцах. Автор хранящейся в публичной библиотеке Копенгагена рукописи на немецком языке неизвестен, но, по всей вероятности, он был немцем или проезжавшим через немецкие земли, поскольку отметил, что прекрасно построенные деревянные дома бухарцев имеют большие окна и двери «на немецкий образец». Неизвестный автор относительно православных коллег более беспристрастно и, заметим, подробно описал жизнь здешних татар и бухарцев, зафиксировав, что в Тобольске в то время не было разделения по конфессиям: «Нижний город совсем открыт <...> и населен русскими, бухарцами и татарами». Отдельное упоминание есть о воззрениях мусульман: богослужении, культовых учредениях, одежде слугителей культа, порядке совершения молитв и т. п. [3]. В работе не содержалось объяснительных схем ислама и региональных отличий, но она все же являлась «прорывом» в

объективизации знаний, хотя и поздно дошла до читателя.

Живший в крае в 1661–1673 гг. другой офицер – А. Доббинс (Доббин) составил рукопись «Генеральное описание Сибири», переданную в Москву в 1673 г. И.-А. фон Бранду, который (что значимо!) и напечатал ее в 1697 г. [4] Доббинс оценил культуру сибирских татар, следовавших требованиям ислама и знавших арабское письмо. Эта работа, отметим, стала известным в Западной Европе печатным словом о мусульманах края [5]. Сочинения Г.-А. Шлейссингера, вряд ли бывавшего в Сибири, представляют собой переработку рукописи «Die gantze Beschreibung Reusslands, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet» («Полное описание России, находящейся под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича», послужившей основой для всех его последующих сочинений, в частности, «Anatomia Russiae deformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter oder Reusslands, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befandete anno MDCLXXXVIII») и более позднего сочинения – «Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist») и др. [6]. Независимо от названий, в каждую из указанных книг почти целиком вошли сведения, имевшиеся в первом издании, имеется в виду «Полное описание России», а остальное представляет собой либо плод авторской фантазии, либо данные, заимствованные из иных работ, либо передачу рассказов, услышанных от других лиц [7]. Отсюда и весьма поверхностное суждение Шлейссингера: «Что касается жителей Сибири, то это почти исключительно русские, за исключением немецких офицеров, стоящих на границах со своей стражей (Milice), затем немного армян и татар, исповедующих греческую религию [?! – прим. ред.] и подчиненных русским законам, как я уже выше упоминал». И хотя в тексте рукописи «Вновь открытая Сибирь» нашли отражение мировоззрение и политическая позиция немецкого журналиста (типичные для его эпохи и среды), стоит заметить: автор специально остановился на изменениях, что произошли в России накануне петровских реформ.

Да и среди православных, по происхождению ученых, прорыв по части научного познания предмета исследования произошел только в Петровскую эпоху, которая иногда воспринимается как время вестернизации отечественной науки, но, на самом деле был связан с западноевропейской рационалистической традицией Нового времени, «добравшейся» и до изучения истории религий. Причина кроется во внутренних и внешних обстоятельствах, обусловивших расширение тематики, создание ячеек и учреждений науки и их кадрового потенциала, расширение методологии исследований. И здесь очень точно заметил В. Г. Мирзоев: «Наука перестала быть областью бесплодных схоластическим мудрствований. От нее стали требовать ответов, выдвигаемых жизнью» [8]. В этой связи отметим ошибочность позиции Мирзоева, утверждавшего уже названием первой главы своей монографии «“Отписки” и “скаска” землепроходцев как исходная основа сибирской историографии» о приоритете в объективизации знаний о Сибири и его населении за носителями православного мировоззрения из числа крестьян, казаков, чиновников. Но их познания (что подтверждал и сам Мирзоев) не выходили за пределы примитивно утилитарных потребностей, хранились в секрете и лишь «постепенно (хотя и медленно) становились достоянием значительного круга людей» [9]. Это «постепенно», заметим, заняло два столетия – после их публикации и тогда, когда появилась значительная масса их потребителей – грамотных людей из простолюдинов, способных непредвзято смотреть на *другую* культуру (природа Сибири уже стала своя).

Западная Сибирь к началу XVIII в., по мнению ряда ученых, стала мощным геополитическим градиентом продвижения России в районы Средней Азии, который значительно облегчался фактическим «демонтажем» тюркско-мусульманского геополитического «центра силы» и поэтапной интеграцией его разрозненных фрагментов в административно-политическую систему Российской империи [10]. Петровская эпоха, как известно, отмечена и интересом к Востоку. Это определялось, безусловно, амбициозными (во многом нереализованными) планами Петра I по расширению российской территории в Азии и политическому влиянию. В 1710–1730-е гг. начинают давать результаты преобразования, проведенные царем в области культуры и образования, в связи с чем наметилась определенная рационализация сознания под влиянием секуляризации общества. Именно тогда и делает первые шаги российское религиоведение, в рамках которого и развивалось

отечественное исламоведение.

Существенный вклад в исламоведение внесла группа европейских ученых и путешественников (вольных или невольных) по региону. Важно и то обстоятельство, что эти уроженцы Западной Европы выполняли в России культуртрегерские функции, внедряя инновационные технологии, европейский образ мышления и иную трудовую этику. Немаловажно, что в основном это были жители тех земель, где протестантская религия (и соответствующий тип морали) в борьбе с католицизмом уже «отвоевала место под солнцем», внедряя в умы верующих идею построения «рая» не только на небесах, но и на Земле. Отсюда и новый характер деятельности протестанта, стремившегося расширить границы познаваемого мира. Поэтому логично, что немало протестантов оказывалось среди тех, кто стремился «Drang nach Osten». Будучи разносторонне образованными людьми, они внесли существенный вклад в развитие российской науки, которая «создавалась не только корифеями, но и тысячами людей — историками и неисториками, писателями и учеными, лицами гражданского, военного и духовного звания <...> разрабатывались в Москве и Петербурге, Оренбурге, Архангельске, Казани, Астрахани, в Сибири» [11]. Города региона, очевидно, стали в тот период мощными аккумуляторами различных культурных ценностей, импульсами в развитии образования и изменений в поведенческой культуре, как и города Европейской части России.

Уже в 1720–1730 гг. Сибирь активно включается в сферу интересов российских (как правило, иностранцев по происхождению) ученых. Они существенно расширили источниковую базу за счет использования таких методов, как сбор письменных (в т. ч. архивных) источников, опрос местного населения, послов, купцов, полевое обследование. Но вряд ли стоит соотносить эти попытки объективизации знаний о регионе (не говоря уже о культуре его коренного и аборигенного населения) с той классификацией историографии, которую предложил Мирзоев «народная, официальная и зарождающаяся буржуазная», даже говоря о XVIII в., а не об историографии XVII в. [12].

Первой с научными целями ушла в 1720–1727 гг. за Урал экспедиция Д. Г. Мессершмидта, которого (согласно заключенному с правительством договору) обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности». Заметим особо, что Мессершмидту принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» по сходству с рунами Скандинавии. Результаты работы зафиксированы в его дневниках, хранящихся в архивах [13], и публикациях. Спутником Мессершмидта в 1721–1722 гг. был пленный офицер, уроженец Померании Ф. И. фон Страленберг (Таберт) [14]. еще до экспедиции собравший значительный материал — в 1719 г. он самостоятельно составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги» с соответствующими описаниями и комментариями. Таберт отметил миссионерскую деятельность РПЦ по распространению «греческой веры» в крае, но заметил: «Коренные народы — естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках». В Тобольске в 1720 г. Страленберг познакомился с В. Н. Татищевым, а встречаясь с ним в Швеции в 1724–1726 гг. [15] подарил ему свои труды. К тому моменту собранный в Сибири материал Таберт уже опубликовал в изданной (первоначально в Нюрнберге, а затем в Стокгольме [16]) книге, вызвав такой интерес в Европе, что вскоре она была переведена на английский [17], французский и испанский языки [18]. Таберт таким путем ввел в научный оборот средневековое зеркало и амулет с арабскими надписями (а их атрибутировал ориенталист Г. Я. Кеер), которые могли относиться к периоду существования Сибирского ханства. Заслугой Таберта-Страленберга является и приобретение у ахуна Тобольска Азбакевича (с которым он состоял в дружеских отношениях) и введение в научный оборот сочинения XVII в, написанного Абу-л-Гази Бахадур-ханом «Шаджара-и турки». Рукопись, якобы привезенная в Тобольск бухарским купцом, принадлежала Азбакевичу, который по словам Страленберга «показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он называл Чингиз Китап, т. е. “Книга Чингиза”» [19]. Первоначально она была переведена на русский язык пленными шведами с помощью знакомого татарина.

Носителям европейского типа мышления и представителям европейской науки (где уже складывались школы ориенталистики) оказалась «по плечу» сложная задача объективного анализа региональной истории ислама. Не случайно, что и «...для миссионерской исламистики главными

врагами из стана немусульман были западные ориенталисты» [20], поскольку применяемые ими методики и техники исследования сибирского ислама прямо свидетельствовали о региональных отличиях, иногда вступавших в острые противоречия с формами этой религии, присущими, например, Ближнему Востоку или Средней Азии.

Иногда трудно определить степень достоверности тех или иных источников, если принимать во внимание дистанцию текста и интерпретатора, особенно из числа немусульман по отношению к текстам с мусульманской составляющей во времена, когда господствовало православие в качестве официальной идеологии. В данном случае перевод татарских источников на русский язык можно рассматривать как важный показатель развития культурных связей, поскольку это не было технической работой. На этом фоне материалы Г.-Ф. Миллера более научно доказательны, поскольку подтверждаются иными сведениями, а не только полученными по рассказам тобольских татар и бухарцев:

Один старый шейх, признававшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: господь ему открыл, что в Сибири покоится много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге, и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминовения. Он ходил по всем мазаретам, или кладбищам, и в разных местах показал могилы семи таких святых, называя их по именам. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами [21].

Это сообщение Миллер сравнивал с натурными ощущениями, находя подтверждение в предании о загадочном культе «семи святых братьев» – *етти-огайни*, широко распространенном как в изустных версиях, так и в письменных сочинениях («семь святых чудотворцев» – *хавтан*, или «семь Мухаммедов») по всей Средней Азии и за ее пределами (Северный Афганистан, Пакистан, Индия, Синьцзян), выполняющем, как и в Западной Сибири, примерно одну и ту же функцию – «сакральными средствами объединять (и, добавим, охранять) эту землю» [22]. Именно с Миллера [23] в сибиреведческой литературе утвердилось мнение, что т. н. татарские летописи, упоминавшиеся авторами Сибирских (Строгановской, Есиповской, Ремезовской) исторических сочинений, являлись устными преданиями сибирских татар, которые слушались, фиксировались и использовались русскими летописцами [24].

До наших дней остаются актуальными слова К. Н. Бестужева-Рюмина: «Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала своего богатства собранного им материала» [25]. Подчеркнем, что Миллер был прекрасным методологом, используя различные приемы (как принято было называть – внешней и внутренней) критики источников, к которым он обращался, внимательной их дифференциации. Важно отметить, что как Миллер, так и впоследствии другие зарубежные путешественники и участники экспедиций, кроме прямых наблюдений, при составлении дневников, записок, учитывали сведения первых летописей, высказав свое мнение по спорным вопросам. Стало понятным, что описание таких источников возможно и «снаружи», но «адекватной» трактовки событий ждать от них трудно. «Изнутри» же они не представляют строго-научное сочинение. Столь же очевидно, что оценочным критерием для него была принадлежность той или иной группы населения к религии или этносу. Допускаем, что идентификация *мусульманин – всякий другой*, была не собственной позицией Миллера (остававшегося лютеранином), а отражением мощной идеологии, основанной на противопоставлении русского *иноверцам* (куда включали и собственных *инородцев*) [26]. В то время для русских по происхождению *татарин – всегда бусурманин*, а для дворян – еще и олицетворение азиатчины.

Не будем заблуждаться, утверждая, что европейские путешественники и исследователи уже в начале XVIII в. были объективны при анализе мусульманских «страниц» – все-таки они были христианами (католиками, протестантами) по воспитанию (большинство и по убеждениям) и ислам оценивали как *совсем чужой*, культивируя в трудах европейский повествовательный исторический шаблон, лишь в деталях и формах отличавшийся от православной интерпретации. К тому же не все материалы являются результатом глубокого и цельного изучения, а некоторые дают довольно случайные, разрозненные, а порой и противоречивые сведения об исламе. У многих авторов не было соответствующей научной подготовки, они мало знали об особенностях уклада жизни сибиряков. К тому же иностранцы не всегда могли отделить мусульман от «языч-

ников». Так, пройдя по регионам, населенным мусульманами, В. Беринг по возвращении в 1730 г. в Санкт-Петербург из экспедиции причислил и якутов к тем, кто «веру имели от старины махаметскую» [27]. Не только отсутствие необходимой базы исследования, но и труднодоступность отдельных районов способствовали необъективности и неполноте их наблюдений. Но собранные сведения и материалы (в т. ч. археологические, нумизматические, археографические) аккумулировались в созданной по указу Петра I Кунсткамере [28], а затем и в Азиатском музее.

Г. В. Стеллер не писал об исламе в Западной Сибири (хотя и проводил здесь исследования), но, как справедливо отметил Мирзоев, его заслугой являются прогрессивные воззрения на этнографию: для него население края было не только объектом этнографического исследования, но и субъектом культурно-исторического развития [29].

1. Каппелер А. Две традиции в отношении Рос. к мусуль. народам Рос. // Отеч. история. – М., 2003. – № 2. – С. 132.
2. Гезенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. – Казань, 1892.
3. Алексеев М. П. Сибирь в изв. западноевроп. путешественников и писателей XIII–XVII вв. – Иркутск, 1941. – С. 349–351.
4. Эйхельберг Е. А. Немцы в Тюм. обл.: история и совр. положение. – Тюмень, 1999. – С. 7; Ямал: энцикл. Ямало-Ненец. авт. окр.: В 3 т. – Т. 1. – Салехард: Тюмень, 2004. – С. 271.
5. Eine seitliche und sehr anmerkliche Beschreibung von Siberien // Brand J.-A. Reisen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plescovien, Gross Naugardien, Tweeren und Moscovien etc. – Wesei, 1702.
6. Schlessinger G.-A. Anatomia Russiae deiformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter und Reusslands, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befindet anno MDCLXXXVII: Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist, etc. – Jena, 1690: Die gantze Beschreibung Reusslands, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet. – Zittau, 1693.
7. Лаптева Л. П. Рассказ очевидца о жизни Московии кон. XVII в. // Вопросы истории. – М., 1970. – № 1. – С. 104.
8. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVIII в.) – Кемерово, 1963. – С. 8.
9. Мирзоев В. Г. Историография Сибири: (домарксист. период). – М., 1970. – С. 11. 15.
10. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Zubkov K. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополит. и цивилизационной динамике XVI–XX вв. – М., 2004. – С. 40.
11. Пештич С. Л. Русс. историография XVIII в. Т. 3. – Л., 1971. – С. 77.
12. Мирзоев В. Г. Историография Сибири: (домарксист. период). – М., 1970. – С. 16.
13. Архив РАН Ф. 98. Оп. 1, № 1, (Т. 1, 1721; № 2, (Т. 2, 1723). – № 3, (Т. 3, 1724); № 21. Л. 102–108.
14. На протяжении всех 13 лет плена проводил науч. работу. – См.: Катанов Н. Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. – Т. 19. – Вып. 2. – Казань, 1903. – С. 105–128.
15. Шольц Б. Варяжский вопрос в зал. Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Рос. // Скандинавские чт. 1998 года. – СПб., 1999. – С. 195–196.
16. Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.
17. An historical, geographikai description, of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particularly of Russia, Sibirie and Great Tatory. Transl. Into English. – London, 1738.
18. Последнее по времени издание на рус. яз.: Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Рос. империи Петра Великого: северная и восточ. часть Европы и Азии / сост. Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспятных, В. Е. Возгриц. – Вып. 1–2. – М.: Л., 1985–1986.
19. Кононов А. Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения соч. Абу-л-Гази «Родословная тюрков» // Сов. тюркология. – Баку, 1971. – С. 3–12.
20. Батунский М. А. Россия и ислам. – Т. 3. – М., 2003. – С. 10.
21. Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. 1. – М.: Л., 1937. – С. 198–199.
22. Абашин С. Н. «Семь святых братьев» // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003. – С. 27–28.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. I. – М.: Л., 1937. – С. 161.
24. см.: Бахрушин С. В. Туземные легенды в «Сиб. истории» С. Ремезова // Истор. изв., издаваемые истор. обществом при Имп. Моск. универ. – 1916. – Вып. III–IV; Белич И. В. Легенда о «Ташатканском камне» // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих яз. и культур. – Новосибирск, 1995 – Т. II; Belich I. The folklore of the siberian tatar in «The History of Siberia» by Remezov S. and relics of shamanism // The International conference on shamanizm. – Naga, 1995; Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке // Сиб. огни. – 1981, – № 12.
25. Бестужев-Рюмин К. Н. Русс. история от древнейших времен. – М., 1986.
26. Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас, Г. В. Стеллер получили образование в протестантской Franckesche Stiftungen и в универ. в Галле, который стал центром россиеведения, но при этом издержки правосл. воспитания (характерные для рос. образования того времени) учащихся «не задели».
27. Вторая Камчатская эксп. Докум. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 19. 90.
28. Palais des sciences. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Grossen. – В. 1–2. – Muenchen, 2003.
29. Мирзоев В. Г. Историография Сибири: (домарксист. период). – М., 1970. – С. 50.